

«С ПРИРОДОЙ ОДНОЮ ОН ЖИЗНЬЮ ДЫШАЛ...» **Страницы жизни В. И. Верещагина, ботаника, краеведа**

Виктор Иванович Верещагин родился 15 октября (ст. ст.) 1871 г. в селе Турны Валдайского уезда Новгородской губернии, в семье священника. Отец его увлекался сбором народных пословиц и поговорок, за что был даже удостоен медали Императорского Русского географического общества. И семья была достаточно просвещенной: две дочери и старший брат учительствовали, средний служил топографом; младший же, Виктор, пошел сначала по отцовской дорожке: окончил духовное училище, затем духовную семинарию в Новгороде, но уже будучи без пяти минут священнослужителем, сдал экзамен на аттестат зрелости при одной из петербургских гимназий и в 1892 г. поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

Его не остановило то, что отец, обремененный большой семьей, помогать ему не мог. Средства для жизни и учебы студент Верещагин зарабатывал репетиторством. Лишь на четвертом курсе ему стали выплачивать небольшую стипендию.

Что же побудило семинариста Верещагина сделать столь крутой поворот в жизни и начать все сначала?

Ответ, мне видится, простой: любовь к природе, особенно к растительному ее миру. Думаю, сильно не ошибусь, если скажу, что с детских лет не было для него занятия интересней, чем бродить по окрестным полям и лесам, наблюдать, как по весне пробивается первая травка, распускаются почки на деревьях, как все это на глазах растет, цветет, плодоносит, а осенью, закончив жизненный цикл, пышно увядает, чтобы следующей весной чудесным образом возродиться вновь.

Не случайно же в университете он был введен в кружок «малень-

ких ботаников», основателями которого являлись профессор Комаров Владимир Леонтьевич, будущий президент Академии наук СССР и основатель отечественной научной школы ботанико-географов Бекетов Андрей Николаевич, дед поэта Александра Блока.

Уже на 4-м курсе Виктор Верещагин выступил на заседании местного отделения Русского географического общества с сообщением «Некоторые дополнения к флоре Новгородской губернии». Вполне возможно, что для этого сообщения емугодились и некоторые наблюдения из детских и юношеских лет.

В 1897 г. Верещагин закончил университет с дипломом первой степени, но первые два года работал переводчиком с немецкого языка в книжном издательстве «Знание» и некоторое время в Главном управлении почт и телеграфа помощником столоначальника (видимо, не сразу нашел работу по специальности).

Лишь в 1899 г., узнав, что Барнаульское окружное училище приглашает преподавателя естественной истории (теперь мы говорим: естествознания), он без раздумий оставляет столицу со всеми ее культурными и прочими благами и отправляется в «каторжную» Сибирь.

Что же побудило Виктора Ивановича совершить новый крутой поворот в жизни?

Ответ тот же: любовь к природе. Еще в студенческие годы он, надо полагать, основательно познакомился с трудами ученых-путешественников Палласа, Ледебура, Лаксмана, Брема и других, в разное время побывавших на Алтае, а потому знал, что, во-первых, Барнаул – центр Алтайского горного округа, целое столетие занимавшего первое место в России по выплавке серебра, второе – по меди и третье – по золоту, сибирской глушью отнюдь не является; в нем есть прекрасный любительский театр, библиотека, музей, наконец, общество высокообразованных горных инженеров.

«Я был поражен, найдя Барнаул столь цивилизованным городом», – писал Карл Ледебур.

Ему вторил Альфред Брем: «Здесь живут все наиболее образованные чиновники Западной Сибири, поэтому он (Барнаул – *В. Г.*) остается центром духовной жизни всего генерал-губернаторства».

А во-вторых, и это, может, явилось самым главным для Верещагина, Алтай, по описаниям тех же путешественников, был настоящим раем для ботаника.

Словом, Верещагин знал, куда ехал. В июле 1899 г. он был уже в Барнауле. И остался здесь навсегда. Алтай стал его второй родиной...

2

К его приезду лучшие времена для Алтайского горного округа уже прошли. С годами все более давали себя знать истощение рудников, техническая отсталость заводов, а с отменой крепостного права и, стало быть, заменой «обязательного» (подневольного) труда более дорогим вольнонаемным, производство вообще стало убыточным. К январю 1896 г. были закрыты все пять сереброплавильных заводов, и оба железоделательных. Лишь Сузунский медеплавильный продержался до 1914 г. Округ перестал называться горным. Большинство горных инженеров, задававших тон в общественной и культурной жизни города, покинули Барнаул.

Все это отразилось и на судьбе окружного училища. Оно было – уже при Верещагине – преобразовано в реальное. По сравнению с гимназией реальное училище давало больший объем знаний по математике, физике, ботанике; вместо древних языков изучались немецкий и французский.

В училище было 6 классов и 7-й – дополнительный. Лицам, успешно закончившим шесть классов, выдавался аттестат, дающий право на поступление в коммерческие и технические учебные заведения; окончившие семь классов могли поступать в высшие учебные заведения.

Дети чиновников учились бесплатно. Освобождались от платы и дети наиболее бедных родителей, им даже помогали учебниками, одеждой, обувью.

Судя по документам, В. И. Верещагин, кроме преподавания естественной истории, привлекался к приему экзаменов по немецкому и французскому языкам, иногда замещал учителей-«иностранцев». В 1903 г. он был даже направлен за границу на курсы по усовершенствованию во французском языке. Но на курсы почему-то опоздал и, воспользовавшись случаем, в течение июня-июля посетил Берлин, Париж, Вену, Женеву, Лозанну, интересуясь там главным образом музеями.

В советские годы В. И. Верещагин указывал в анкетах, что немецкий и французский языки знает слабо, а по-английски лишь

читает со словарем. Видимо, он просто скромничал. Кто бы его со слабым знанием языка принял переводчиком в столичное издательство «Знание»?

Могла быть и другая причина такой записи в анкете. В те «окаянные» (по И. А. Бунину) годы лица, владевшие каким-либо иностранным языком, состояли на особом учете в органах НКВД и были вполне вероятными кандидатами на арест как иностранные шпионы. Словом, признаваться в знании иностранного языка, тем более немецкого – языка нашего вероятного противника, тогда было далеко не безопасно. А Верещагину – особенно. Он и без того числился в органах как «социально-чуждый элемент» (об этом – позже.)

За время работы в реальном училище В. И. Верещагин неоднократно избирался секретарем педагогического совета; с годами дослужился до чина статского советника (соответствует полковнику), был награжден тремя орденами. Но настало время, когда этот чин и ордена, заслуженные честным и добросовестным трудом на ниве народного просвещения, обернулись для него компроматом.

В. И. Верещагин стал последним директором реального училища перед его закрытием в 1920 г.

3

После свертывания горнозаводского производства большинство горных инженеров, как уже говорилось, покинули Барнаул. Но общественная и культурная жизнь в городе не замерла. Свеча, как говорится, не погасла. И в Барнауле, и на Алтае никогда не было недостатка в людях, готовых послужить городу и краю.

Яркий пример тому – домашний учитель Василий Константинович Штильке, основавший в 1884 г. «Общество попечения о начальном образовании в Барнауле». За первые 18 лет деятельности Общества им были открыты в основном на добровольные пожертвования:

– Две бесплатных начальных школы, в которых училась треть барнаульских школьников, в основном дети бедняков. Это были первые в городе смешанные, то есть общие для девочек и мальчиков школы. В них не только бесплатно учили, но и обеспечивали горячими завтраками, а особо нуждающихся – учебниками, одеждой, обувью, наиболее способным помогали продолжить образование.

– Две воскресных бесплатных школы для взрослых, тоже очень нужных, ибо в городе половина мужчин и около 77 процентов женщин были неграмотными.

– Две школьных и одна городская общественная библиотеки (ныне – краевая имени В. Я. Шишкова).

– Первый в городе книжный магазин. Ранее учебники, тетради, карандаши и пр. приходилось заказывать в Томске и даже в Петербурге или самим туда ездить.

– Любительский театр, пользовавшийся большой популярностью у горожан. Устраиваемые им спектакли при малой входной плате приучали к театру самые широкие слои барнаульцев, знакомили их с лучшими произведениями отечественной и зарубежной драматургии. Спектакли были в то же время и важнейшим источником доходов Общества.

– И, наконец, Народный дом с залом на 1000 мест, сделавший бы честь любому губернскому городу! (Ныне в нем – краевая филармония.).

В Барнауле к концу XIX в. проживало всего около 30 тыс. человек. Но в нем нашлось достаточно людей, горячо поддержавших доброе дело своими знаниями и опытом. Все они, включая В. К. Штильке, трудились на общественных началах, а купцы, да и вообще состоятельные люди, помогали рублем. И не только рублем.

Барнаульские купцы, по крайней мере многие из них, вполне заслуживают того, чтобы сказать о них доброе слово. Не было в городе ни одной школы, больницы, церкви, которые они обошли бы своими посильными добровольными пожертвованиями. Немало средств вложили они в строительство и содержание Нагорной и Зайчанской школ Общества попечения о начальном образовании в Барнауле; всем миром, как говорится, строили Народный дом, проект которого петербургский архитектор Иван Павлович Ропет, прослышав о добрых делах барнаульцев, выполнил бесплатно. Вряд ли он был богачом, да и среди барнаульских купцов очень богатых, подобно нынешним олигархам, не было. Но они любили свой город, как любят родной дом, и за великую честь считали что-то сделать для его благополучия и процветания. Много ли таких среди нынешних купцов, виноват, бизнесменов?

Общество попечения о начальном образовании в Барнауле получило признание как одно из лучших в Сибири. И не только

в Сибири. В 1900 г. его деятельность была отмечена серебряной медалью на Всемирной выставке в Париже!..

Умели патриоты родного города при малых возможностях добиваться впечатляющих результатов!..

В 1891 г. ссыльный народник Сергей Порфирьевич Швецов, служивший статистиком в Главном управлении Алтайского горного округа, выступил с предложением объединить силы интеллигенции, в том числе политических ссыльных, для исследования природных богатств Алтая, условий жизни и быта крестьян-старожилов, переселенцев и инородцев. Предложение было поддержано, в том числе начальником округа Н. И. Журиным. Так возникло Общество любителей исследования Алтая¹¹.

Едва организовавшись, Общество начало собирать свою библиотеку и комплектовать свой музей, хотя в Барнауле еще с середины XVIII в. существовала при Главном управлении округа прекрасная библиотека, правда, в основном техническая, а с 1825 г. действовал прекрасный музей, принадлежавший тоже горному ведомству.

Но после того как заводы и рудники на Алтае были закрыты и округ перестал называться горным (1896), возникла опасность, что библиотека и музей останутся бесхозными. В связи с этим Совет Общества 16 октября 1897 г. возбудил ходатайство перед Кабинетом о передаче библиотеки и музея в ведение Общества. 28 мая 1911 г. после повторного обращения оно было удовлетворено, а 20 июля 1913 г. последовало «Высочайшее соизволение» на предоставление подотделу здания бывшей химической лаборатории для размещения в нем библиотеки и музея, а также 5 тыс. руб. на ремонт и реконструкцию здания. Это был поистине царский подарок!

Более подробное описание деятельности подотдела заняло бы слишком много места, к тому же, как я полагаю, деятельность эта достаточно известна всем интересующимся историей Барнаула и Алтая.

Вернемся к В. И. Верещагину. Он вступил в Общество любителей исследования Алтая в марте 1900 г., то есть вскоре после приезда в Барнаул. Дело нашел себе вполне по душе – в отделе

¹¹ В 1902 г. оно было преобразовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, в 1917 г. – в самостоятельный отдел РГО, в 1932 г. его деятельность была прекращена и возобновлена лишь в 1957 г.

природы музея, где по существу заново создал ботанический отдел, все годы поддерживал его в образцовом состоянии и периодически пополнял.

Музей стал его судьбой. В нем прошла вся его оставшаяся жизнь со всеми ее радостями и печалями. До 1923 г. он трудился в нем, как говорят, на общественных началах, и лишь после ему стали начислять небольшую зарплату – от 14 до 25 руб. в месяц. Такой она была и у большинства сотрудников музея и вряд ли соответствовала прожиточному минимуму, впрочем, как и теперь. Многие не выдерживали полуголодного существования; стоически держались лишь подлинные энтузиасты музейного дела. К ним в первую очередь относились Виктор Иванович Верещагин, Андрей Петрович Велижанин, Евгений Георгиевич Родд.

Эти люди – слава и гордость Барнаульского (теперь Алтайского) краеведческого музея. А. П. Велижанин был врачом по образованию и должности, а по призванию – талантливым орнитологом; Е. Г. Родд – главный лесничий земельного управления проявил себя как прекрасный энтомолог.

4

Работая в реальном училище, В. И. Верещагин каждый год, дождавшись летних каникул, отправлялся в ботанические экскурсии, чаще всего – в Горный Алтай, оказавшийся, и в самом деле, раем для ботаника. Маршруты выбирал по самым малолюдным и труднодоступным местам. Он первый из путешественников прошел через грозные бомы среднего течения реки Чулышман, оттуда вышел в долины Башкауса, Чульчи, Шавлы, в которых до В. И. Верещагина никто из путешественников не бывал. Такие экскурсии требовали немалого мужества и физических сил. Вот как описывает сам Верещагин один из эпизодов этой поездки:

«Тропа вдруг сходит на нет, а к Чулышману вплотную подошли горы и оборвались в его бурные воды крутыми скалами. Из верхнего Сеп-бома необходимо сойти с седла, так как Сеп-бом можно пройти только пешком и притом босиком. Сначала приходится идти по доске, перекинутой с одного выступа скалы на другой над бурным потоком, а затем, за поворотом скалы, надо карабкаться, цепляясь руками за неровности скал, но беда в том, что они округлены и гладко отшлифованы и сорваться с них можно легко. Лошадей приходилось пускать вплавь, придерживая на канатах...»

Сколько подобных преград довелось преодолеть отважному путешественнику, знал, наверное, только он сам.

Начиная с 1905 г., В. И. Верещагин, отправляясь в экспедиции, почти каждый год брал с собою 12–15 учеников старших классов реального училища. Расходы оплачивали родители, за беднейших учеников – училище. Такие экспедиции Верещагин называл «образовательными экскурсиями». Их цели и задачи он определял так: «Ознакомить учащихся с природою и отчасти бытом местного населения, с приемами коллекционирования по ботанике, зоологии (главным образом – энтомологии) и петрографии, порядком пользования барометром и пращ-термометром».

Первая экскурсия в Горный Алтай с учениками состоялась летом 1905 г. В. И. Верещагин сам рассказал о ней в статье «Алтай как район ученических экскурсий» (журнал «Естествознание и география», 1912 г.) Привожу ее в сокращении:

«...Отправляясь по заданию Алтайского подотдела РГО с Пушкаревым¹², я предложил ученикам старших классов побывать в горах. Девять учеников (два выпускных, два из 7-го класса, один из 6-го и четверо из 5-го) изъявили согласие принять участие в поездке. К ним присоединились учитель городского училища (фамилия не названа – В. Г.) и преподаватель математики реального училища П. С. Малешевский¹³...»

От Барнаула до Бийска участники экскурсии добрались пароходом.

---

¹² Пушкарев Вениамин Михайлович (1887–1938) выпускник Гейдельбергского университета (Германия), преподаватель математики в 10-й неполной средней школе г. Барнаула, брат известного писателя Глеба Михайловича Пушкарева. Арестован органами НКВД 19 декабря 1937 г. 29 декабря тройкой при управлении НКВД по Алтайскому краю приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 6 января 1938 г. в Барнауле. В 1958 г. полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

¹³ Малешевский Петр Станиславович (1877–1938) родился в Томске, в семье фельдшера-поляка, сосланного в Сибирь за участие в восстании 1863 г. Окончил Варшавский университет (1901), преподавал математику в Барнаульском реальном училище (1901–1907), Бийской мужской гимназии (1907–1910). В 1921 г. избирался членом Бийского горсовета депутатов трудящихся. 1-го февраля 1938 г. арестован органами НКВД по обвинению в участии в подпольной организации эсеров, сфальсифицированной чекистами. 5 марта 1938 г. тройкой при управлении НКВД по Алтайскому краю все 17 человек, якобы состоявших в этой организации, в том числе и П. С. Малешевский, были приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 марта 1938 г. в Бийске. В 1958 г. все реабилитированы.

«Из Бийска, – пишет В. И. Верещагин, – выехали утром 8-го июня. В Сростках остановились на ночлег. Поскольку до наступления темноты оставалось полтора часа, взошли на гору Пикет, чтобы сделать там наблюдения по анероиду и собрать растения. Выкапывая растения на склонах горы, мы привлекли внимание местных жителей. Они отнеслись к нашим занятиям крайне иронически.

– Не там роете, – говорили они. – Здесь уже свиньи все вырыли. Идите вон туда, там еще никто не рылся.

На другой день, предполагая выехать пораньше, мы встали в 4 часа. Но явился старик Беспалов, наш хозяин, и заявил, что один из ямщиков вчера загулял и теперь его не добудишься. Выехать удалось только в 8 часов...»

Далее их путь лежал «чернью» (тайгой).

«13 июня, – пишет В. И. Верещагин, – в четыре часа пополудни, увидели Телецкое озеро. После мрачной «черни» панорама озера была удивительно хороша».

17 июня на лодке, нанятой у местного жителя, экскурсанты достигли устья реки Чулышман. 18-го посетили Чулышманский мужской монастырь, где провели трое суток, совершая экскурсии по его окрестностям.

В монастыре проживало всего 10 монахов, но владели они тремя тысячами десятин земли. С проживавших на ней алтайцев брали: 10 руб. за десятину земли, 4–20 коп. с головы за пастьбу скота, 50 коп. за срубленное дерево и один рубль за место для юрты. По тем временам это были немалые деньги.

«Плата, – пишет В. И. Верещагин, – сильно стесняет инородцев. Они относятся к монастырю с нескрываемой ненавистью. Многие даже ушли с монастырских земель. При таких условиях просветительская деятельность монастыря равна нулю. Правда, здесь все инородцы крещены, но, конечно, они в сущности остались теми же темными язычниками. Вообще монастырь является печальным памятником алтайской миссионерской деятельности».

В монастыре В. И. Верещагин расстался со своими спутниками. Реалисты во главе с П. С. Малешевским отправились в обратный путь, в Барнаул, а он с учеником 6-го класса реального училища В. М. Пушкаревым, проводником и толмачом (переводчиком) двинулся вверх по Чулышману до села Кумуртук. Оставив там большую часть багажа, 23 июля решили налегке обследовать

верховья речек Чельчи и Шавлы. Но до Шавлы добраться не удалось: проводник дорогу туда не знал, да и продукты кончились, к тому же шли непрерывные дожди. Вернулись в Кумуртук, а оттуда пошли вверх по Чулышману до озера Джюлю-коль, из которого вытекает река. Каким трудным и опасным был этот путь, говорят записи В. И. Верещагина в его путевом дневнике. Вот, некоторые из них:

«3 июля. Подъехали к высокому Берг-бому. На узких карнизах, нависших над kloкочущим Чулышманом, сжатым здесь в узком ущелье, становится жутко. Карнизы кое-где подправлены бревнами и камнями, но далеко не везде, где следовало бы. Малейший неверный шаг лошади может стать роковым. В таких местах самое лучшее – опустить повод и вполне положиться на ловкость умных животных, но надо сказать, что людям со слабыми нервами лучше миновать чулышманские бомы... До сих пор они не были посещены никем из путешественников...»

«10 июля. Переправились через Чулышман в лодке. Подъехавшие телеуты со страхом крестились, наблюдая за переправой...»

«12 июля. Игнатов не решился переправиться через Шавлу. Таким образом, нам предстояло ехать по местам, еще не посещаемым путешественниками...»

15 июля они достигли озера Джюлю-коль, таким образом прошли Чулышман от устья до истоков.

От озера к верховьям Башкауса они, спрямив путь, прошли через территорию Монголии, словом, побывали за границей, даже ночевали в юрте монгола. Оттуда вышли на Чуйский тракт в районе села Чибит и 2-го августа прибыли в Бийск.

В. И. Верещагин самокритично отметил ряд недостатков этой первой в своей практике «образовательной экскурсии».

«...Не было толкового служителя для смотрения за установкой палаток и приготовлением пищи. Приходилось руководить самому. Принадлежности для собирания коллекций были только у меня и Пушкарева. Остальные скучали.

О подборе экскурсантов не было речи. Взяли первых желающих. В их числе оказались два избалованных, изнеженных ученика, тосковавших о гуляниях в саду. Программа экспедиции была не подготовлена. Я сам впервые выехал на Телецкое озеро...»

Более организованной и познавательной стала вторая «образовательная экскурсия» в Горный Алтай, проведенная в 1909 г. В краевом госархиве сохранилось довольно подробное описание ее, сделанное врачом А. Г. Лукиным (полное имя и отчество не указаны), участвовавшим в экскурсии в качестве помощника В. И. Верещагина.

В экскурсии участвовали 17 реалистов 2-го – 7-го классов и повар Владимир Чугунов из реального училища.

На сей раз реалисты, стараниями В. И. Верещагина, подготовились к ней основательно, о чем свидетельствует перечень их снаряжения. Вот он:

- 12 пар ботанических рамок;
- 100 аршин сукна;
- стопа¹⁴ фильтровальной бумаги;
- пять стоп серой оберточной бумаги;
- 18 энтомологических сачков;
- 25 энтомологических банок;
- 15 пинцетов;
- 25 больших коробок с ватой для жуков;
- 1500 бумажных треугольничков для бабочек;
- один фунт формалина;
- геологический молоток;
- анероид;
- термометр-пращ;
- набор инструментов;
- четыре палатки (одна из них – запасная);
- несколько брезентов (заворачивать багаж и расстилать в палатках);
- дорожная аптечка.

Кроме того, каждый реалист взял с собою: одеяло, теплый войлок (вместо матраца), теплую одежду, пять смен белья и запасные сапоги.

О запасах и видах продовольствия можно судить по примерному меню реалистов в ходе экскурсии:

ЗАВТРАК: чай с хлебом, колбасой и сыром. Иногда копченая ветчина, изредка – свежая рыба, котлеты.

¹⁴ Стопа – 20 десяти, в десяти – 24 листа.

ВТОРОЙ ЗАВТРАК: (после полудня): чай, какао, колбаса, ветчина, яйца, сыр, хлеб (фактически это был обед).

УЖИН: суп, борщ, уха, котлеты, компот, каша гречневая, пшеница или рисовая, чай.

Сразу скажу и о распорядке дня в ходе экскурсии. Вставали в пять часов, завтракали. Пока ямщики свертывали палатки, реалисты пешком уходили вперед по маршруту, иногда версты на три, по дороге ловили бабочек, жуков и пр. После второго завтрака (обеда) продолжали движение тем же порядком. В пять–шесть часов вечера останавливались на ночлег, ужинали, в девять часов ложились спать.

Ежедневно два ученика (один из старшего, другой из младшего класса) дважды, утром и вечером, производили метеонаблюдения с помощью анероида и термометра-праща.

Дневники вначале вели все реалисты, но вскоре, увлекшись коллектированием, перестали вести записи. Лишь пятеро до последнего дня записывали свои наблюдения и впечатления.

А теперь последуем за экскурсией в Горный Алтай.

22-го мая 1909 г. на пароходе «Кормилец» они выехали в Бийск, где были встречены директором мужской гимназии П. С. Малешевским и размещены в особняке известного местного купца-благотворителя Н. И. Асанова, «любезно предоставившего не только временное помещение, но и внимательность, услуги».

Очевидно, их же стараниями (Асанова и Малешевского) для барнаульских реалистов было приготовлено восемь пароконных экипажей с «проходными» ямщиками (это название означало, что все путешествие будет совершаться без смены лошадей и ямщиков). «Экипажи» представляли собою обыкновенные тележки с брезентовым верхом на случай дождя.

25-го мая реалисты выехали по маршруту: с. Смоленское – Ново-Белокуриха – Алтайское – Тоурак – Куяган. В день проезжали 30–40 верст с несколькими остановками. Ночевки в селениях избегали, для чего везли с собой, как уже говорилось, четыре палатки. Вставали (тоже говорилось) в пять часов утра, завтракали (пищу готовил повар) и в 6.30 двигались дальше. С 11.30 до 14.00 останавливались на обед («второй завтрак»). В 18.30 заканчивали дневной путь, ужинали и в 21.00 ложились спать. А утром, в 6.30 – снова в путь!..

Двигались неторопливо. Реалисты имели возможность на ходу спрыгнуть, сорвать или выкопать приглянувшийся цветок или другое растение, поймать бабочку, жука и без труда догнать экипаж.

В местах, заслуживающих более подробного осмотра, останавливались, и В. И. Верещагин делал разъяснения.

В Ново-Белокурихе осмотрели ванны с минеральной водой, измерили ее температуру. 28-го мая прибыли в Черный Ануй, где тогда находилась кумысолечебница, попили кумысу (многие – впервые), осмотрели пещеру и двинулись дальше Канской степью. Верст двадцать пять, по словам Лукина, ехали как по асфальту, любясь вздымавшимися слева и справа величественными грядами гор со снежными шапками белков.

31-го мая, под Тюдралой, на берегу реки Кайсын, разбили палатки. К вечеру алтайцы подогнали к лагерю 18 верховых лошадей (15 для экскурсантов и трех – для проводников).

1-го июня, в шесть часов утра, оставив четырех учеников для охраны палаток, экскурсанты во главе с В. И. Верещагиным двинулись на Кайсынский перевал. За шесть – семь часов, преодолев по горным кручам 15 верст, поднялись на него.

«Перед нашими глазами, – пишет А. Г. Лукин, – прошла смена растительности от горных долин до снеговых вершин. Некоторое время мы простояли на заоблачной высоте, любясь раскинувшейся панорамой горных хребтов. Они, словно окаменевшие гигантские волны мирового океана, бесстрастно и загадочно распростерлись перед изумленными глазами юных барнаульцев. Здесь, в соседстве скал, снегов и облаков, перед лицом вечно прекрасной природы, учащимся изложена была Виктором Ивановичем Верещагиным теория образования гор.

После фотографирования и небольшого отдыха мы двинулись в обратный путь».

В таком вот возвышенном, поэтическом стиле описал А. Г. Лукин этот эпизод. Нетрудно представить, какой восторг вызвала у реалистов эта романтическая поездка на лошадях на Кайсынский перевал! Этот восторг вряд ли убавился оттого, что возвращаясь им пришлось под проливным дождем, и они до ниточки промокли.

«За эту неделю, – пишет А. Г. Лукин, – учащиеся приспособились к разыскиванию и собиранию жуков, ловле бабочек, выкапыванию растений и сушке их. Большинство реалистов правильно своим

именем называли пойманных бабочек, жуков, растения, камни. Полнота и резкость впечатлений не давали ученикам спокойно сидеть в тарансах. Чуть что увидят, спрыгивают на ходу и мчатся по лугу махая по траве сачком, отворачивая камни, вырывая растения и сияя от удовольствия, догоняют караван и прячут добычу в банку, коробку, бумагу.

Проезжая мимо юрт, заглядывают с позволения хозяев внутрь, при удаче фотографируются с ними...»

1-го июня ночевали в Усть-Кане. Оттуда двинулись Ябоганской степью. Здесь, по широкому приволью, паслись отары курдючных овец, стада коров, табуны лошадей. Повсюду белели юрты... Нередко попадались каменные насыпи – «чудские» памятники...

У Теньги выехали на Чуйский тракт. 4-го июня, в семь часов утра, приехали в Онгудай. Там, благодаря любезности станowego пристава Сергеева, удалось запастись свежим хлебом (последние три дня жили на сухарях).

4-го июня поднялись на Чике-Таманский перевал. На следующий день подъехали к Катунь, трижды переправились через нее (у бомов Коркечу, Кангырар и в Усть-Ине).

В устье реки Чуй расположились на ночевку. На следующий день, к полудню, достигли Белого бома (Ак-бом). Здесь вечером, после ботанической экскурсии, реалисты, взобравшись на скалу, устроили иллюминацию (еще в Барнауле по рекомендации В. И. Верещагина запаслись пиротехническими средствами).

«Кровавый свет бенгальских огней, – пишет А. Г. Лукин, – сопровождался громким восторженным «ура», потревожившим, наверно, мирное жите местных инородцев. Это было незабываемое зрелище: горы и река в красном свете!..

С Белого бома двинулись в обратный путь. На Семинском перевале нас вновь застал дождь, но он не помешал реалистам оценить красоты здешней природы: кедровый лес, море цветов, нехоженые травы по пояс...

11-го июня достигли Мьюты, где расстались с Верещагиным. Он остался продолжать ботанические сборы, а мы отправились по Чуйскому тракту в Бийск; оттуда 17 июля тем же пароходом «Кормилец» вернулись в Барнаул».

Описание свое А. Г. Лукин заканчивает на такой высокой ноте: «Горные ущелья и снеговые вершины, тайга и степь, горные террасы и

пещеры, мрачные бомы, перевалы, шумные реки, инородцы, чудские памятники и арыки, емуранки (бурундуки – В. Г.), верблюды, маралы, знакомство с кумысом, жизнь природы и людей – все промелькнуло перед нами, все побывало тут!..»

Вне всякого сомнения, эта экскурсия оставила не менее восторженные воспоминания и у реалистов. Было что рассказать родным и друзьям!..

Родительский комитет училища направил В. И. Верещагину благодарственное письмо за проведенную экскурсию. Привожу его полностью:

«Его высокородию Виктору Ивановичу Верещагину.

Многоуважаемый Виктор Иванович!

Родительский комитет при Барнаульском Императора Николая II реальном училище, движимый чувством признательности к Вам за Ваше умелое и сердечное руководство экскурсией учеников реального училища на Алтай в прошедшее лето, в заседании своем 25-го текущего ноября поручил нам выразить Вам от его имени искреннюю свою благодарность за Ваше руководство экскурсией, т. к. благодаря главным образом ему столь блестяще достигнуты преследовавшиеся Родительским комитетом при организации экскурсии цели – энергично содействовать умственному, эстетическому и физическому развитию учеников доставлением им новых разнообразных впечатлений, получаемых непосредственным и сознательным знакомством с богатствами и красотами природы Алтая, и укрепляя силы их его благодатным воздухом.

Насколько полно было вынесенное учениками из руководимой Вами экскурсии удовлетворение, нагляднее всего усматривается из того бурного настроения, которыми проникнуты читанные нами путевые записи учеников об экскурсии и высказываемые ими восторженные воспоминания о ней, а также из того, что непосредственно по окончании ее как у учеников, так и у родителей их возникло стремление организовать теперь же экскурсию и в предстоящее лето, каковому стремлению Родительский комитет со своей стороны вполне идет навстречу, надеясь особенно, что и ее Вы не откажетесь принять под свое просвещенное руководство.

Ввиду всего этого мы с особенным удовольствием исполняем возложенное на нас поручение выразить Вам от имени Родительского комитета глубокую благодарность, тем более, что при этом мы высказываем чувства, воодушевляющие не только Родительский комитет в целом, но и каждого из нас в отдельности.

Председатель Родительского комитета П. Селиванов
Секретарь А. Стрельман¹⁵».

6

Интересными, познавательными, непохожими одна на другую были все другие «образовательные экскурсии» В. И. Верещагина. Среди них особенно выделяется, на мой взгляд, экскурсионная поездка на Кавказ летом 1910 г. В ней участвовали 15 учеников старших классов. Назову их, может, кто из барнаульских старожилов найдет среди них своего деда или прадеда:

Арбузов Михаил;
Бабин Николай;
Баландин Александр;
Гордзялковский Андрей;
Грязнов Иннокентий;
Иванов Евгений;
Климентовский Николай;
Лубяных Иван;
Матвеев Вениамин;
Ненаживин Александр;
Невоструев Вениамин;
Сорокин Александр;
Тихонов Константин;
Черных Александр;
Черных Алексей.

---

¹⁵ Стрельман Андрей Петрович (1867–1920 г.), из дворян Херсонской губернии. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. С 1904 г. на Алтае: председатель Барнаульского уездного съезда крестьянских начальников (до 1914 г.), Бийский городской голова (до марта 1918 г.), затем управляющий Алтайской губернией. 16 августа 1919 г. от исполнения обязанностей отказался и жил в Бийске как частное лицо. 15 декабря 1919 г. арестован и 6 февраля 1920 г. расстрелян по приговору коллегии Алтгубчека. Реабилитирован 17 марта 1996 г.

Помощником В. И. Верещагина был на сей раз один из классных наставников училища Константин Михайлович Басов. В поездке он взял на себя хозяйственные хлопоты.

Поездка была рассчитана на 45 суток, фактически проехали 47. Путевые расходы определены были в 80 руб. с человека, из расчета 1 руб. 70 коп. в день. Шестеро беднейших учеников поехали за счет Родительского комитета, еще трое – за половинную плату.

И на сей раз реалисты ехали не любоваться красотами природы Кавказа и Крыма, а учиться, потому и захватили с собой примерно такое же снаряжение, как и при поездке в Горный Алтай в 1909 г. Некоторые взяли с собой даже учебники по географии России.

«Такая работа, – по словам В. И. Верещагина, – не только заставляет ученика внимательнее присматриваться к окружающему миру, ставит его ближе к природе, но и дает ему возможность делать целый ряд открытий (неизвестное растение, насекомое), которые доставляют высокое наслаждение юному натуралисту».

В этом В. И. Верещагин видел главную пользу «образовательных экскурсий».

Перед выездом он счел нужным предупредить учеников, что предстоящая поездка – «не веселый пикник». Она представляет некоторые трудности. Могут случиться перебои с питанием, возможны ночные пересадки, придется пройти почти двести верст пешком... (первоначально намечался пеший переход по Военно-Грузинской дороге, но он не был осуществлен).

Но кого из юных когда-нибудь пугала романтика дальних странствий?..

Главное внимание в ходе экскурсии намечалось уделить Крыму, но не удалось заранее договориться о помещениях для временного проживания в Ялте. Тогда руководство реального училища списалось с кавказскими учебными заведениями, и те согласились принять барнаульских реалистов.

7-го июня 1910 г. экскурсанты выехали пароходом до Новониколаевска (ныне Новосибирск), оттуда – поездом до Самары, из Самары – пароходом по Волге до Царицына (ныне Волгоград), оттуда поездом в Пятигорск, из Пятигорска – во Владикавказ; дальнейший их путь пролегал через Тифлис (Тбилиси), Боржоми, Батуми, Сухуми, Новый Афон, оттуда – пароходом в Севастополь.

Из экономии средств реалисты билеты брали: на поезда – в вагоны 3-го класса, на пароход – в каюты 2-го класса. На остановках

по предварительной договоренности пользовались бесплатными помещениями всюду, кроме Москвы. Например, в Пятигорске реалисты размещались в доме Кавказского горного общества, во Владикавказе – в русско-еврейской школе, на Военно-Грузинской дороге – в рабочей казарме, духане (трактире), почтовой станции, в Тифлисе, Сухуми, Севастополе – в местных реальных училищах, в Батуми – в мужской гимназии, в Новом Афоне – в монастырской гостинице. Правда, там их приняли не очень любезно, единственный случай за всю поездку. А в Ялте и в Москве вообще не нашлось бесплатного жилья для юных барнаульских туристов.

Описать эту необыкновенную экскурсию, встречи и переживания ее участников я не берусь. Перечислю лишь самое интересное из того, что они повидали:

– В Самаре – памятник Александру Второму и величественный парк при нем;

– В Саратове – Радищевский музей и собор;

– В Пятигорске – памятник М. Ю. Лермонтову, грот М. Ю. Лермонтова; совершили восхождение на гору Машук, побывали на месте дуэли М. Ю. Лермонтова с Мартыновым. Отсюда же съездили на короткое время в Кисловодск, Железноводск, Ессентуки, поднялись на гору Бештау, откуда открывался потрясающий вид на Эльбрус;

– В Тифлисе посетили военный собор, гробницу А. С. Грибоедова в монастыре св. Давида, Ботанический сад, краеведческий музей, серные бани;

– В Батуми впервые увидели море, побывали на чайной плантации, посмотрели, как производится сбор чая и его обработка;

– В Сухуми посетили Ботанический сад;

– В Феодосии – картинную галерею И. К. Айвазовского;

– В Севастополе – собор, музей Севастопольской обороны, Приморский бульвар, панораму «Взятие Ахульго», броненосец «Святой Пантелеймон», Морской аквариум, покатались на парусных лодках по Севастопольской бухте, полюбовались игрою дельфинов, пытались ловить медуз;

– В Москве – храм Христа Спасителя, Кремлевские соборы, Оружейную палату, Большой кремлевский дворец, Третьяковскую галерею, Исторический музей, Зоологический сад.

Каждый реалист увез с Кавказа маленькую коллекцию горных пород, собранную им лично, а кое-кто даже маленьких черепашек, на которых они наткнулись около Мцхета.

Согласитесь, впечатлений от такой поездки любому человеку хватило бы, наверное, на всю жизнь!..

Ученики, можно сказать, наглядно познакомились с географией России, ее историей, растительным и животным миром, углубили свои знания в геологии, минералогии, получили практику в коллекционировании, ведении метеонаблюдений и т. д.

Но планы по Кавказу и Крыму были еще обширнее. Не удалось из-за отсутствия бесплатного помещения в Ялте провести экскурсию вокруг этого города. Была отменена, по совету местных жителей (подробности неизвестны), поездка в Боржоми и Гурзуф.

Родительский комитет реального училища снова письменно выразил благодарность руководителям экскурсии.

«Многоуважаемый Виктор Иванович!

Благодаря Вашим трудам и заботам совместно с Константином Михайловичем Басовым, была благополучно выполнена и вторая экскурсия учеников Барнаульского реального училища.

Мы, родители, участвовали в ней средствами, Вы же отдали ей свое время, свой труд и душу – и вдохнули в нее тот смысл и содержание, которые только и могут даны любящей детей душой.

Глубоко понимая это и ценя, мы, родители, за Вашу любовь к нашим детям приносим Вам и Константину Михайловичу Басову наше искреннее уважение и глубокую благодарность!»

7

К сожалению, после восстановления советской власти В. И. Верещагин уже не смог провести ни одной «образовательной экскурсии», хотя и продолжал работать в школе. В любимый его сердцу Горный Алтай ездить стало опасно: он тоже был охвачен гражданской войной, а с 1920 г. там запыхали крестьянские мятежи, вызванные грабительской продразверсткой, а также перегибами местных партийных и советских органов.

Ну а главная, пожалуй, причина – это небывалая разруха и всеобщее обнищание, порожденные двумя войнами. Не до экскурсий стало. Верещагину лишь одному – и в основном за свой счет удалось съездить в 1925, 1926 и 1927 годах для ботанических сборов в район

Семипалатинска, Мало-Красноярска, Катон-Карагая. На этом его поездки закончились.

Собранный им материал он всегда обрабатывал сам, делая его доступным для широкого пользования. Качество обработки высоко оценено специалистами.

В его публикациях об итогах экспедиций наряду с ботаническими есть немало ценных геологических, этнографических, географических и др. сведений, уточнены названия встреченных горных хребтов, рек, озер, переправ, селений, что послужило основанием для некоторых исправлений в географических картах. Значительная часть его сборов, кроме Алтайского краеведческого музея, находится в Гербарии имени П. Н. Крылова при Томском государственном университете, Гербарии Ботанического института Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург), Омском сельскохозяйственном институте.

8

До революции в Барнауле, кроме реального училища, были следующие учебные заведения:

- Мужская гимназия (с 1912 г.);
- Женская казенная гимназия (с 1900 г.);
- Женская гимназия М. Ф. Будкевич (с 1908 г.);
- Женская прогимназия Н. Н. Красулиной (с 1914 г.);
- Народная гимназия Общества попечения о начальном образовании в Барнауле (с января 1917 г.);
- Торговая школа (с 1911 г.);
- Механико-техническое училище имени И. И. Ползунова (с 1916 г.);
- Духовное училище (с 1868 г.);
- Нагорная (с 1885 г.) и Зайчанская (с 1891 г.) начальные школы Общества попечения о начальном образовании в Барнауле;
- Учительская семинария (с сентября 1915 г.) для подготовки учителей начальных классов;
- Пять (?) Высших начальных училищ (ВНУ);
- Церковно-приходские школы.

Учебные заведения имели разное предназначение и, следовательно, разные программы и сроки обучения, а также разный размер оплаты (там, где она была введена). Таким образом,

и родители, и дети имели возможность выбирать, что им больше по наклонностям и достаткам.

Но вот 15 февраля 1920 г., то есть сразу после восстановления советской власти в Барнауле и на Алтае, губернский отдел народного образования (губоно) первым же своим постановлением закрыл все учебные заведения в Барнауле, за исключением учительской семинарии¹⁶ и механико-технического училища имени И. И. Ползунова. Вместо них была введена Единая трудовая школа (ЕТШ) первой (1–5 классы) и второй (6–8 классы) ступеней.

Столь революционная реформа народного образования мотивировалась тем, что якобы в царской буржуазной школе учебный процесс был построен на зубрежке, в советской же – основой обучения и воспитания станет труд.

По-революционному поступили и с учителями. Тем же постановлением губоно они все до единого были уволены, однако им сразу предложили написать заявления о... приеме на работу и одновременно заполнить анкету, в которой высказать свое отношение к советской власти вообще и к Единой трудовой школе в частности.

Революционный лозунг: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» был осуществлен даже в изменении названия работников народного образования. Всю жизнь их называли учителями, преподавателями, педагогами, теперь же для них вполне официально было установлено другое: школьный работник, или по моде тех лет на сокращения: шкраб. Похоже на кличку, не правда ли?..

Для тех шкрабов «старой школы», кто не мог самостоятельно осилить особенности педагогики в ЕТШ (как воспитывать трудом, а не зубрежкой) были организованы краткосрочные курсы, «самокурсы».

Не избежал проверки на «профпригодность» и В. И. Верещагин. В 1920 г. (месяц и число не указаны) он вот что писал в губоно:

«Ввиду того что с наступлением экскурсионного периода я предполагаю продолжить работу по сбору материалов для Алтайского

---

¹⁶ Они тоже просуществовали недолго. Учительская семинария в 1920 г. была преобразована в педагогические курсы, а механико-техническое училище – сначала в механический, а в 1924 г. – сельскохозяйственный техникум, и наименование его в честь И. И. Ползунова было утрачено.

музея по изучению флоры, а с приездом в Барнаул экспедиции по изучению вредителей сельского хозяйства в Алтайской губернии, предполагаю принять участие в работе этой экспедиции, прошу экспертную комиссию освободить меня от участия в самокурсах по подготовке преподавателей, а для определения моей квалификации как школьного работника принять две последние мои работы: а) «Материалы для ботанических экскурсий в окрестностях Барнаула» и б) «Алтай как район образовательных экскурсий».

Последняя работа войдет в виде отдельной главы в мою книжку «Очерки Алтая», которая будет печататься Алтгосиздатом и включает в себе довольно много материала, полезного для руководителей алтайских общеобразовательных экскурсий. Педагогический стаж мой – 21 год.

Зав. учебной частью 4-й сов. школы (В. Верещагин)».

Новая власть хоть и вынуждена была держать в школах учителей, доставшихся от «проклятого царского режима» (за исключением священнослужителей – преподавателей Закона Божия, те были сразу изгнаны); оставляя же остальных, новая власть не скрывала, что явление это временное, ибо полной веры им нет.

Был сразу распущен Учительский профсоюз, вместо него создан новый – «Союз работников просвещения и социалистической культуры», но принимались в него (во всяком случае поначалу) только члены РКП(б) и «сочувствующие» (так называли тогда кандидатов в члены РКП(б)).

Были сразу же приняты меры по подготовке «пролетарских» учительских кадров. В марте 1920 г. в Барнауле открылись шестимесячные «Курсы красных учителей». Задача им ставилась такая:

«Приготовить из недр рабоче-крестьянской массы сознательных и активных красных учителей для новой трудовой школы, которые будут в то же время активными работниками социалистического строительства и сознательными борцами за мировой коммунизм».

На курсы зачислялись по направлению волревкомов, волисполкомов и других «пролетарских организаций» лица от 16 до 40 лет, пролетарского происхождения, с образованием не ниже двух классов. Всего на курсы было набрано 356 человек, из них две трети – из крестьян.

Надо сказать, что от желающих стать учителями, как говорят, отбою не было. И старание в учебе у принятых на курсы тоже, судя

по всему, было огромное. Но одного старания оказалось мало, чтобы с двумя классами одолеть программу курсов. По их окончании Совет курсов вынужден был признать, что 120–130 человек не могут быть выпущены учителями из-за крайне слабой подготовки. Вряд ли Совет курсов можно заподозрить в чрезмерной строгости, еще меньше – курсантов в халатном отношении к учебе. Но не все в жизни берется с налету!..

Впрочем, шанс на осуществление своей мечты неуспевающим курсантам был дан.

«Принимая во внимание, – говорится в постановлении Совета курсов, – что на означенных лиц были израсходованы средства Республики, желательное продолжение для них образования, чтобы они вышли культурными работниками деревни. Предложено их перевести на педагогическое отделение рабфака».

Прошло это предложение или нет, выяснить не удалось.

В том богатом реформами году возникло еще одно неожиданное препятствие на пути развития школьного образования в Барнауле. Когда губнаробраз закрыл все учебные заведения в городе, а новые школьные коллективы скомплектовать не успел, опустевшие школьные здания заняли части 26-й Златоустовской стрелковой дивизии, вошедшей в город 13 декабря 1919 г. А несколько раньше, 10 декабря, в Барнаул вступил 7-й полк «Красных орлов» партизанской армии Ефима Мамонтова. Тем и другим нужна была крыша над головой, все же декабрь на дворе, в городе после страшного пожара, случившегося 2 мая 1917 г., жилья и без того ох как не хватало!..

Выселить военных из школьных зданий оказалось делом непростым. Да и куда их выселять?..

В результате к осени 1920 г. была открыта лишь небольшая часть школ 1-й ступени, но и в те принимали в первую очередь детей членов профсоюзов, то есть работающих пролетариев.

Наверное, излишне напоминать о бедственном положении с учебниками, тетрадями, отоплением, освещением школ и т. д. Писать дети учились – я не выдумываю – палочкой на ящике с песком, гвоздем на гладко выструганной доске, чернила делали из сажи, вместо бумаги использовали старые газеты и книги, если их удавалась достать.

Не менее бедственным было и положение учителей («шкрабов»).

Заработная плата их в то время состояла из трех частей: вещевого, «продпайка» и «дензнаков». Впрочем, «дензнаки», то есть деньги, тогда, в разгар небывалой инфляции, существенной роли не играли. Ими в пору было стены оклеивать.

О вещевой части оплаты «шкрабов» красноречиво говорит протокол № 12 заседания месткома, губнаробраза от 21 апреля 1921 г. (привожу в сокращении):

«...2. По заявлению о выдаче обуви тт. Белоглазовой, Голдыревой, Кукарцева, Щеголихиной, Логиновой, Разливаевой, Герасимовой, Ивановой постановил: из оставшихся в распоряжении месткома одной пары чиненых сапог и двух пар бродней выдать одну пару чиненых сапог т. Богомоловой и две пары бродней¹⁷ предоставить в распоряжение завпрофобром для распределения между самыми нуждающимися и необходимыми работниками из числа подавших заявления. По остальным заявлениям вопрос оставить открытым за неимением обуви.

3. О распределении трех пар резиновых галош.

Три пары резиновых галош распределить между всеми членами коллектива, состоящими в Союзе Всеработпрос¹⁸ (16 человек). Для производства этого розыгрыша назначить комиссию, включив в нее от губнаробраза тт. Вахрушева и Афонина, а от месткома – т.т. Бастрыгину и Ушакова...»

Может, кому-то покажется смешным создание комиссии для распределения трех пар резиновых галош и пр., только смешного тут мало. Больше грустного.

Теперь о продпайке. Он был, как уже говорилось, главной частью зарплаты (и не только у «шкрабов»), но и без преувеличения – главным источником существования. Основу его составляла мука. В июле 1921 г. норма ее выдачи на месяц была такой:

– рабочим ударных предприятий, ответственным работникам (они и тогда о себе не забывали) – 25 фунтов в месяц (в фунте – 400 граммов);

– остальным рабочим, совслужащим (в том числе учителям, инвалидам, пенсионерам, семьям красноармейцев (кроме их детей) – 18 фунтов;

¹⁷ Бродни, бахилы – крестьянская обувь с мягкими голенищами, которые подвязываются под лодыжками и под коленками (по В. И. Далю).

¹⁸ Профсоюз работников народного просвещения.

- взрослым членам семей рабочих и служащих – 5 фунтов;
- детям 5–6 лет – 13 фунтов;
- детям 1–5 лет – 9 фунтов.

В пайке предусматривался набор и других продуктов (если они были в наличии): картофеля – 30 фунтов, мяса – 5 фунтов, масла коровьего – один фунт, сахара – 2,5 фунта.

Нормы эти нередко менялись, чаще – в сторону уменьшения. В условиях небывалой разрухи, засухи в Поволжье и ряде других губерний Правительство принимало героические усилия, чтобы спасти население от голодной смерти.

В таких тяжелейших условиях учителя, родители учащихся, руководство города старались делать все возможное для спасения школы. Родители нередко прибегали к самообложению (в основном мукой) на ремонт школы, ее отопление и освещение, а порой и на добавку к скудной учительской зарплате.

Плата за обучение взималась также мукой – полтора пуда (24 кг) в год. От платы освобождались дети беднейших родителей, красноармейцев, инвалидов, но не более одной четверти от общего числа учеников.

В декабре 1921 г. горисполком выделил каждой школе по три десятины земли под огороды. Были разрешены частные школы (разумеется, платные). В 1922 г. в Барнауле действовало 12 таких школ, но училось в них всего 120 человек, так что существенной роли они не играли.

Большим подспорьем служила периодически проводившаяся в городе «Неделя помощи школе». В одну из таких «недель», 1–7 февраля 1922 г., рабочие Главных железнодорожных мастерских, например, постановили отчислять двухдневный денежный заработок и по одному фунту муки ежемесячно вплоть до 1 сентября; служащие горисполкома, губчека, кожевенного, овчинного и других заводов – ежемесячно однодневный заработок до конца года. В ту же неделю силами родителей-добровольцев был проведен не терпящий отлагательства ремонт школ, исправлены печи; союз транспортных рабочих подвез и распилил дрова. Задача эта была далеко не простой: дрова школам выделялись... бревнами, которые находились на берегу Оби.

За ту же неделю сумма пожертвований вместе с другими сборами (от спектаклей и пр.) составила 324 864 746 руб.

Так вот, всем миром, как говорится, одолевали беду...

Все, что выпало на долю других учителей, не миновало и Виктора Ивановича Верещагина. Чтобы как-то прокормить семью, он вынужден был работать в нескольких учебных заведениях (учреждениях) одновременно. Вот где трудился он после закрытия реального училища:

01.1920 – 01.03.1922. Заведующий ботаническим отделом Алтайских губернских мастерских наглядных пособий.

01.01.1923. Заведующий отделом фитопатологии станции защиты растений.

01.02.1923 – 01.09.1923. Преподаватель естествознания и заведующий учебной частью 4-й советской (так!) школы.

15.07.1923 – 01.09.1924. Преподаватель естествознания в Барнаульском рабфаке¹⁹ (до его закрытия).

01.07.1924 – 01.09.1927. Преподаватель естествознания в педагогическом техникуме.

01.10.1924 – 04.02.1933 и с 04.06. по 16.07.1933 – преподаватель ботаники, зоологии, а с 1927 года – геологии с основами минералогии и кристаллографии в зоокормветтехникуме (позже переименован в техникум животноводства и молочного хозяйства, затем – в сельскохозяйственный).

01.10.1932 – 02. 1933 – преподаватель естествознания на высших педагогических курсах.

01.11.1899 – 02.1933 (до ареста) – научный сотрудник краеведческого музея (до 1923 г. – на общественных началах).

И везде он трудился с полной отдачей сил. По-другому не умел. Вот какую характеристику дал ему 14 мая 1928 г. заведующий сельскохозяйственным техникумом Журавлев (инициалы не указаны), где В. И. Верещагин проработал около десяти лет:

«...Несмотря на слабое здоровье, проявил себя с самой лучшей стороны не только как аккуратный и безупречный педагог, но и как организатор-методист в деле постановки нормальной педагогической работы техникума.

¹⁹ Барнаульский рабочий факультет (рабфак) – общеобразовательное учебное заведение для взрослых. Открыт 17 августа 1921 г. Готовил в вузы рабочих и крестьян. Осенью 1924 г. переведен в Омск. Ныне функции рабфаков выполняют подготовительные отделения вузов.

Являясь по натуре исследователем, тов. Верещагин со свойственным ему жаром и увлекательностью внес творческий дух исследователя в повседневный обиход педагогического процесса техникума и широко способствовал выявлению у слушателей критического мышления с их творческо-индивидуальным оформлением.

Признавая неотъемлемые труды тов. Верещагина на поприще научно-исследовательской работы и большую занятость в области общественно-педагогической деятельности, коллектив преподавателей техникума горячо поддерживает ходатайство т. Верещагина и осмеливается выразить надежду, что герою культурного фронта, отдавшего всю свою жизнь на борьбу с темнотой и неграмотностью в одном из отдаленных провинциальных уголков нашего обширного Союза, в тяжелые дни старческой жизни будут оказаны должное внимание и помощь».

Речь идет о назначении 57-летнему В. И. Верещагину персональной пенсии в связи с инвалидностью²⁰.

Это ходатайство поддержало правление Томского государственного университета, основываясь на отзыве, данном В. И. Верещагину профессором П. Н. Крыловым, выдающимся ботаником, организатором и бессменным руководителем Ботанического сада и Ботанического музея при университете. Вот этот отзыв:

«Состоя на службе в Барнауле с 1899 года в качестве учителя и отчасти инспектора в бывшем реальном училище, имея возможность летом делать экскурсии на Алтай и в прилежащие к нему места, где и собирал ботанические и другие естественнонаучные материалы. Все это время (около 30 лет) он был постоянным и ревностным корреспондентом Гербария Томского университета, доставляя ему дубликаты собранных им растений и оказывая тем большую помощь автору «Флоры Алтая Томской губернии», а затем и «Флоры Западной Сибири», в составлении этих признанных, имеющих важное значение книг²¹.

В. И. Верещагин за указанный период сделал на Алтае и прилежащих к нему местах (преимущественно на свои средства) 17

²⁰ В 1928 г. из-за сердечной астмы (миокардита) В. И. Верещагин был признан инвалидом третьей группы. В заключении медицинской комиссии говорится: «Способен к легкому случайному (?) труду».

²¹ Автор обоих трудов – П. Н. Крылов.

экспедиций продолжительностью в среднем около двух с половиной месяцев каждая, изъездив в общей сложности по меньшей мере 20 000 верст пути, преимущественно по горным верховым тропам.

Им было собрано на Алтае около 2000 видов растений (включая, кроме высших, некоторые споровые растения); из этого числа – свыше 50 видов новых для Алтая, ранее его там не находимых и 5 видов совсем не известных ранее – новых для науки. Кроме ботанического, им был собран также обширный зоологический материал (преимущественно по энтомологии).

К заслугам В. И. Верещагина следует отнести также создание им ботанического отдела в Барнаульском музее, где он работал в течение 28 лет, равно как и в Алтайском отделе РГО, которого он состоит почетным членом. В честь его названы его именем 5 видов из представителей растительного и животного царства.

Из его учеников – воспитанников бывшего Барнаульского реального училища, принимавших участие в его научных экспедициях и работах, один (Н. Плотников) состоит в настоящее время ассистентом при кафедре ботаники Сибирской сельскохозяйственной академии в Омске и производит уже самостоятельные ботанические исследования; другой – так же в Сибирской сельскохозяйственной академии специализируется по геологии; третий работает ассистентом при кафедре зоологии во Владивостокском университете.

В. И. Верещагин напечатал в разное время девять работ, касающихся Алтая. Простудившись прошлым летом во время своих ботанических работ в белках Нарынского хребта, он серьезно заболел астмой и этой зимой не мог посещать службу в школе 2-й ступени, почему и нуждается в пенсии.

12 марта 1928 г.

П. Н. Крылов».

Увы, эти ходатайства не помогли. Персональная пенсия местного значения в размере 300 руб. в месяц была назначена ему лишь 21 октября 1948 г. решением Алтайского крайисполкома.

Наверное, теперь никому не надо объяснять, что означали в те годы слова: «социально-чуждый элемент» или просто «нетрудовой элемент». Было и другое, более оскорбительное название: «бывшие

люди». И пустил его в оборот не кто иной, как Сталин в докладе на январском (1933 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). С тех пор оно не сходило с газетных полос, звучало с самых высоких трибун.

Народу внушалось и, к сожалению, не без успеха, что все «бывшие» – скрытые враги советской власти, главная преграда на пути победившего пролетариата к «светлому будущему», и чем быстрее убрать их с дороги, тем лучше.

И убирали. Реки крови пролили. Только путь к светлому «будущему» от этого короче не стал.

«Бывшие люди» оказались в родной стране на положении изгоев. Каким только ограничениям и унижениям их не подвергали!

Вот лишь несколько примеров, вычитанных мною из газеты «Красный Алтай»:

В марте 1920 г. в Барнауле был установлен такой порядок бесплатной помывки в общественных банях: кочегары, трубочисты и представители других наиболее грязных профессий – еженедельно (с отметкой в трудовой книжке); остальные рабочие – один раз в две недели; служащие, инвалиды – один раз в три недели. В конце постановления говорилось: «Нетрудовой класс права пользования общественными банями не имеет».

Рабочим, служащим, инвалидам было предоставлено право один раз в месяц бесплатно стричься в парикмахерских, «нетрудовому элементу» – ни разу!

По размерам продпайка «бывшие люди» приравнивались к... детям 1–3-х лет: 12 фунтов муки в месяц (рабочие получали 36 фунтов).

Детей «бывших» принимали в школу в последнюю очередь и за самую высокую плату (дети пролетариев учились бесплатно). А в высшие учебные заведения удавалось пробиться лишь единицам: почти неодолимым препятствием служила отметка в анкете о «соц. происхождении».

«Бывшим» (по крайней мере, у нас в Барнауле) запрещалось предоставлять квартиры в казенных домах, а тех, кто жил в своих, «уплотняли», вселяя бедноту, да еще и конфисковали для них у хозяев «излишнюю» мебель. Бывало и хуже: хозяев вообще выселяли в лачугу, освобожденную бедняком.

Лишь смерть уравнивала «бывших» со всеми. Для каждого умершего, независимо от его классовой принадлежности, бесплатно

предоставлялись могила, гроб и лошадь для перевозки покойного на кладбище.

С января 1920 г., то есть сразу после восстановления советской власти на Алтае, в газете «Красный Алтай» (с 11 октября 1937 г. – «Алтайская правда») стали появляться списки расстрелянных под красноречивым названием «За что карает Чека?». В списках были в основном каратели и их пособники, виновные в расправах над сторонниками советской власти.

Но «бывших людей», на ком крови не было, пока не трогали. Более того, некоторым ответственные должности доверяли, нужда заставляла, нехватка специалистов и вообще грамотных людей. Так, бывший член Учредительного собрания эсер Акиндей Шапошников возглавил городской отдел народного образования, кадет Андрей Велижанин стал заведующим губернской больницей, меньшевику Порфирию Казанскому доверили преподавать географию, русский язык и литературу в элитных, находящихся под опекой губкома РКП(б) учебных заведениях: губсовпартшколе, рабфаке, школе имени III Коминтерна (на рабфаке он был даже заведующим учебной частью).

Нравилась им советская власть или нет – другой вопрос, но трудились они с полной отдачей, по-другому не умели. Вот бы и дальше так-то! Сколько ценных работников было бы сохранено, сколько пользы принесли бы они людям, Отечеству!..

Но большевикам угодно было и дальше разжигать классовую борьбу. Начались масштабные чистки предприятий, учреждений, учебных заведений от «социально-чуждого элемента».

Вот лишь один пример. 6 марта 1930 г. в газете «Красный Алтай» появилось объявление о том, что в здании 6-й школы состоится чистка аппарата окружного отдела народного образования. Приглашались на это действие «рабочие, педагоги и учащиеся старших классов, все желающие».

Нетрудно представить, в какой обстановке, в какой тональности проходили эти чистки. По всей вероятности, проработке подвергались не только «социально-чуждые», но все, кому-либо чем-либо не угодившие, и вряд ли такая проработка была товарищески выдержанной, ибо велась она с «классовых позиций»! Не позавидуешь тем, кто эту чистку на себе испытал! Чистки

проходили и в учебных заведениях, но там детей «социально-чуждых» чаще всего просто исключали. Так, в 1921 г. при «чистке» педагогического техникума было исключено сразу 20 человек из 76.

Но это было еще не самое страшное. За чистками и увольнениями начались массовые беспричинные аресты «бывших людей».

Жертвой политических репрессий стал и Виктор Иванович Верещагин. К категории «бывших людей» он подходил сразу по нескольким признакам: «сын попа», бывший кадет, при царе имел довольно крупный чин статского советника и три ордена, при Колчаке избирался гласным в городскую думу.

Неважно, что отец его умер еще в 1905 г. и был вовсе не мироед, а добрый совестливый сельский батюшка из небогатого прихода, прекрасный отец и семьянин. Чин статского советника и ордена В. И. Верещагин получил за выслугу лет и беспорочную, как тогда говорили, службу на педагогическом поприще. При всех режимах он занимался одним и тем же благородным делом: учил детей ботанике, а точнее – любви к природе, к Отечеству. В партию кадетов он вступил, можно сказать, за компанию с другими. «Все вступали, и я вступил», – признавался он позже сотруднику музея Н. А. Камбалову. В партии просто числился, никакой работы не вел. А после 1917 г. эта партия прекратила свое существование. Что касается городской думы, то в 1918 г. В. И. Верещагин действительно баллотировался в нее, но по числу голосов стал лишь кандидатом в гласные. А когда через некоторое время ему предложили заменить одного из выбывших, он наотрез отказался, и на этом его политическая карьера закончилась.

Чем же провинился перед советской властью старый ботаник, один из лучших в городе преподавателей?

Повод нашелся. Органам ОГПУ стало известно, что в доме садовода-селекционера Николая Ивановича Давидовича нередко собираются: бывший мировой судья Афанасий Афанасьевич Васильев, бывший кадет, заведующий губернской больницей Андрей Петрович Велижанин, бывший меньшевик, преподаватель географии, русского языка и литературы Порфирий Алексеевич Казанский, бывший колчаковский офицер, преподаватель сельскохозяйственного техникума Сергей Кондратьевич Сабардин. Все они были уже в преклонном возрасте, знакомы не один десяток лет, а Давидович с Сабардиным и Васильевым даже состояли в родстве.

Бывал на таких сборищах и В. И. Верещагин. В своем кругу старики отводили душу в откровенных разговорах. Позже на допросе А. А. Васильев показал, что они «на основе глубокого анализа правительственной политики» пришли к таким выводам:

«– Демократия в стране подавлена бюрократическим аппаратом;

– Свободы слова, свободы печати нет. Всякая мысль, хотя бы она была направлена на пользу страны, если она не совпадает с идеями коммунизма, рассматривается, как контрреволюционная;

– Выборы органов управления происходят под партийным нажимом. Люди, способные к управлению, но беспартийные, оттираются».

Мы теперь хорошо знаем, что Васильев говорил истинную правду. Но мы знаем и то, что полагалось тогда за такую правду. А «бывшим» – тем более.

На их счастье, ежовско-бериевские времена еще не наступили, и отделались они довольно легко. «За антисоветские разговоры» Васильев, Давидович и Сабардин были сосланы на три года каждый из Западной Сибири в Восточную, Велижанин приговорен к пяти годам лагерей (условно), а Казанского и Верещагина вообще освободили после соответственного внушения.

Впрочем, ссылка была не таким уж слабым наказанием. Вот что писала дочь Н. И. Давидовича Екатерина Николаевна Дубакина полномочному представителю ОГПУ по Западно-Сибирскому краю 25 августа 1933 г.:

«...Мой отец Н. И. Давидович и два дяди, А. А. Васильев и С. К. Сабардин, высылаются в Восточную Сибирь. Все трое – старые, больные, постановлением медицинской комиссии признаны инвалидами. Отец, в прошлом землеустроитель, а ныне пловод-экспериментатор, 20 лет работает над проблемами акклиматизации плодовых деревьев в Западной Сибири, вывел прекрасные сорта вишни, сливы, крупноплодных яблок. На основании опытов писал фундаментальный труд, но не успел его закончить. Васильев – его главный помощник и последователь. На участок постоянно являлись экскурсии, отец читал им лекции. В Барнаульском музее есть отдел, посвященный пловодству в Сибири, оборудованный Давидовичем и Васильевым. Их деятельность полезна, за выгодой не гнались.

Теперь опытный участок взял Лесотрест. Его директор приезжает сюда с дамами и детьми, они обрывают недозревший семенной материал.

Сабардин – прекрасный преподаватель химии и агроном, он окончил Казанский университет и Московский сельскохозяйственный институт. Все трое могли бы еще долго работать и приносить пользу. А так дело их захиреет и, может быть, погибнет.

Мичурина у нас знают, о Бербанке²² тоже слышали, а вот тут, на глазах у всех, разрушается дело, гибнет культурная работа всей жизни, причина же всему какое-то недоразумение. Помогите же людям, ни в чем не повинным!»

Вероятно, письмо помогло, да и ежовско-бериевские времена еще не наступили: все трое были освобождены досрочно.

Однако пережить 1937-й г. посчастливилось лишь Николаю Давидовичу, возможно, потому, что из ссылки он не вернулся в Барнаул, а поселился в г. Бердске.

12

5 февраля 1933 г. дошла очередь и до В. И. Верещагина. Вместе с ним были арестованы два внештатных сотрудника Барнаульского краеведческого музея: Николай Михайлович Вторых и Василий Васильевич Грейлих. В тот же день все трое были этапированы в Новосибирск, в ОГПУ.

А уже 9-м февраля датированы «чистосердечные» признания В. И. Верещагина, причем он собственноручно их написал, его красивый каллиграфический почерк ни с чьим другим не перепутаешь.

Написал-то сам, но очень похоже, что под диктовку чекиста-следователя, человека, по всей вероятности, малограмотного но набившего руку на фабрикации подобных дел. Ряд речевых оборотов в «признаниях» В. И. Верещагина совсем не свойственен ему. Судите сами, читатель.

«Встав на путь чистосердечного признания и раскаиваясь перед советской властью, считаю необходимым по существу предъявленного мне обвинения показать следующее:

Вокруг Барнаульского музея объединилась группа бывших людей:

Лебедев Валентин Петрович, сын попа;

Вторых Николай Михайлович, сын судебного пристава;

Няшин Григорий Дмитриевич, сын атамана казачьей станицы;

---

²² Бербанк Лютер (1849–1926), американский селекционер-дарвинист, автор многих сортов плодовых, овощных, полевых и декоративных культур.

Казанский Порфирий Алексеевич, сын попа (на самом деле – чиновника тюремного ведомства. – В. Г.);

И я, Верещагин Виктор Иванович, сын служителя религиозного культа.

Перечисленная выше группа лиц, будучи по своему социальному положению представителями буржуазного класса, вела определенную контрреволюционную работу. Зарождение антисоветской контрреволюционной группы относится к моменту существования в Барнауле отдела Русского географического общества, влившегося впоследствии в Общество изучения Сибири и ее производительных сил, затем расформированного за контрреволюционную деятельность, после чего данная контрреволюционная группа центр тяжести своей контрреволюционной деятельности перенесла на музей.

Контрреволюционное влияние на нашу группу шло также по линии Общества изучения Сибири и ее производительных сил, из краевого управления Общества, в составе которого сидели контрреволюционно настроенные люди, как-то: генерал Болдырев²³, колчаковский министр Краснов²⁴, активный земский работник Черемных и др.

Признаю свою вину перед советской властью в том, что я состоял членом указанной контрреволюционной группы, сложившейся вокруг Барнаульского музея и проводившей определенную контрреволюционную работу.

Более подробные показания дам дополнительно. Записано мной собственноручно».

Вот и все следствие! Хотя бы один факт, одна улика!.. И тем не

---

²³ Болдырев Василий Георгиевич (1875–1936), генерал-лейтенант, бывший профессор Академии Генерального штаба, в империалистическую войну командовал корпусом, Армией. В 1918 г. – Главком войсками Уфимской Директории. С 1925 г. работал в Сибирской плановой комиссии, Обществе изучения Сибири и ее производительных сил. Автор воспоминаний «Директория, Колчак, интервенция» (Новосибирск, 1925). Репрессирован в 1933 г. Посмертно реабилитирован.

²⁴ Краснов Григорий Адрианович (1883–1933), окончил духовную академию и археологический институт в Петербурге. В 1918–1919 гг. возглавлял контрольное ведомство в Самарском комитете членов Учредительного собрания (КОМУЧ) и правительстве Колчака. После падения колчаковщины приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом к лишению свободы, но в 1922 г. амнистирован. Принимал активное участие в ряде сибирских научных и общественных организаций, автор статей по финансово-экономическим вопросам. Репрессирован в 1933 г. Посмертно реабилитирован.

менее «более подробных показаний», то есть второго допроса, не последовало. Надо полагать, чекисту С. И. Погодаеву оказалось вполне достаточно того, что написал под его диктовку старый учитель. Как он этого добился: уговорил, угрозами, а может, даже «физическим воздействием» принудил, мы можем только гадать. Сам же Виктор Иванович, насколько известно, никогда и никому об этом не рассказывал.

Несколько слов о тех, кто был назван В. И. Верещагиным, а скорей всего продиктованные следователем участники «контрреволюционной группы» (сведения эти, к сожалению, неполные).

Валентин Петрович Лебедев, преподаватель педагогического техникума, 27 сентября 1927 г. советом музея был избран заведующим. В 1932 (?) г. уволился и покинул пределы Алтая.

Николай Михайлович Вторых, 60 лет, в 1896 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета, до 1918 г. преподавал в гимназиях Риги и Петрограда, с 1918 г. – в Барнауле, преподаватель (вероятно, русского языка и литературы) в средней школе и финансово-экономическом техникуме; одновременно в 1921–1930 гг. – служащий в губернском статистическом бюро, а в 1930–1932 гг. – внештатный сотрудник краеведческого музея, где занимался изучением народных говоров Алтая, реестром надгробных памятников Нагорного кладбища (1928), состоял членом Совета Алтайского отдела РГО (1925–1928), был от Отдела направлен делегатом на сессию Центрального бюро краеведения в Москве (1926), а с 1931 г. исполнял обязанности заместителя председателя Алтайского отдела РГО. Истинной причиной его ареста стали две роковые строчки в анкете: «сын судебного пристава» («царского чиновника» – В. Г.) и «состоял в партии кадетов в 1905–1917 гг.».

Василий Васильевич Грейлих, 48 лет, окончил реальное училище и электротехнические курсы в Москве; перед арестом работал электротехником на строительстве меланжевого комбината. В свободное время, «для души», увлекался поисками в окрестностях Барнаула «малых полезных ископаемых»: гравия, песка и пр. Был членом ревизионной комиссии Алтайского отдела РГО. В политических партиях не состоял.

«Признания» В. В. Грейлиха на единственном допросе чуть не слово в слово совпадают с «признаниями» В. И. Верещагина. Это ли не доказательство, что у них был один автор?..

А вот Н. М. Вторых ни на допросе, ни на очных ставках с В. И. Верещагиным и В. В. Грейлихом виновным себя не признал!

К сожалению, это ему не помогло. На сей случай у чекистов была неопровержимая улика: «Вину не признал, но изобличен показаниями соучастников (или свидетелей)». А «соучастникам» Н. М. Вторых просто был вписан в протоколы их допросов.

Вздорность, надуманность, бездоказательность предъявленных им обвинений видны уже из того, что в июне 1933 г. под предлогом разгрузки мест заключения они были отпущены по домам. Однако в августе их забрали снова и без суда сослали на пять лет в Красноярский край. Вторых и Грейлиха загнали на Крайний Север, где они, по всей вероятности, и погибли.

Верещагину же, можно сказать, повезло. Не исключено, что кто-то замолвил за него словечко. Ведь к тому времени он был уже хорошо известен в научных кругах Сибири, и не только Сибири. Так это или не так, но он был направлен отбывать ссылку в заповедник «Столбы» Красноярского края, где все пять лет занимался научно-исследовательской деятельностью наравне с другими сотрудниками. Словом, эти пять лет для него, как для исследователя природы, не были потерянными.

Когда ему объявили об окончании ссылки, он воскликнул:

– Я же еще работу не закончил!

Возможно, возможно. Только мне с трудом верится, что он так спокойно относился к несправедливому наказанию, разлуке с семьей, друзьями, волей. Никакая наука не могла ему этого заменить. Словом, в душу к нему никто не заглядывал. А работал он на самом деле самозабвенно. Вот что говорится в приказе по заповеднику «Столбы» от 7 ноября 1936 г.:

«Дорогой товарищ Верещагин!

Отмечаю Вашу большую работу в области ботаники по изучению флоры нашего заповедника. Ваша работа является важной частью той общей работы, которую проделали ученые по изучению природы нашего края на пользу социализма. В День 19-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции объявляю Вам благодарность за Вашу работу!

Директор госзаповедника (Кожуховский)».

Смелый был человек – директор заповедника! Не побоялся назвать, да еще в приказе, товарищем политического ссыльного, «врага народа»!..

А вот еще один документ: справка от 24 декабря 1934 года.

Директор музея Приенисейского края и заведующий госзаповедником «Столбы» удостоверяет, что В. И. Верещагиным с августа 1933 г. по декабрь 1934 г. проделана следующая научная работа:

1. Сделан доклад в краеведческом обществе о вредной книге Н. Н. Смирнова «Лекарственные и технические растения Восточной Сибири». Благодаря докладу, книга изъята из продажи.

2. Напечатана статья «Гербаризация и школа» в № 2 журнала «За политехническую школу».

3. Напечатана статья «Изучение флоры как форма массовой краеведческой работы просвещенца» в журнале «Просвещение Сибири» № 4.

4. Закончил статьи «Дикие растения Алтайского края» и «Ядовитые растения Алтайского края».

5. Принимал участие в приведении в порядок ботанического отдела музея.

6. Произвел флористическое обследование «Столбов», собрал гербарии: а) Цветковых и высших споровых растений; б) Мхов; в) Лишайников. И большое количество семян.

7. Подготовил к печати «Список растений» с указанием их хозяйственного значения.

8. Готовит к печати книгу «Материалы для ботанических экскурсий по госзаповеднику «Столбы».

9. Составил определитель растений госзаповедника «Столбы».

10. Производил фенологические наблюдения над растительностью госзаповедника «Столбы».

11. Исполнял с 20 мая по 1 октября 1934 г. обязанности заместителя наблюдателя метеостанции.

Директор музея и госзаповедника «Столбы» (Медведев)».

Вернувшись в Барнаул, В. И. Верещагин еще около года потратил на обработку собранного в госзаповеднике «Столбы» материала. В 1940 году в Москве вышла его книга «Инвентарь флоры Государственного заповедника «Столбы».

Работать над нею В. И. Верещагину пришлось в полуподпольных условиях. Его долго не прописывали в Барнауле, не принимали на работу и даже грозили снова посадить. Он вынужден был скрываться то у сына в селе Павловское, то у немногих друзей, уцелевших после массовых арестов, подвергая их немалому риску.

Несколько лет жил он на грошовую зарплату сотрудника-консультанта краеведческого музея, а точнее сказать – на иждивении у жены-учительницы, а зарплата учителей что тогда, что теперь всем известна.

Лишь в 1944 г., в разгар Великой Отечественной войны, ему позволили, наконец, преподавать ботанику в сельхозтехникуме, а позже – сельскохозяйственном институте, созданном на базе эвакуированного из Ленинградской области Пушкинского сельхозинститута (ныне Алтайский государственный аграрный университет).

С 15 июня 1944 г. В. И. Верещагин стал ассистентом кафедры ботаники, с 15 октября 1945 г. – и.о. заведующего этой кафедрой, а с 1 июня 1946 г. – доцентом.

В 1947 г. по ходатайству руководства института, поддержанному рядом сибирских ученых, Виктору Ивановичу Верещагину за выдающиеся заслуги в изучении сибирской флоры была присуждена – без защиты диссертации – ученая степень кандидата биологических наук. Вот лишь когда пришло признание – в 76 лет!

Из воспоминаний детей Виктора Ивановича – Ирины Викторовны и Бориса Викторовича:

«Что заставляло отца ехать в отдаленные труднодоступные места, подвергаться опасностям и лишениям? Прежде всего, желание изучать мир растений, богатейшую природу Алтая и рассказать о них людям, привлечь эти богатства на службу народного хозяйства.

Много времени и сил отнимали у него систематизация и обработка собранных в экспедициях материалов.

По рассказам мамы, вся комната квартиры на ул. Пушкинской от пола до потолка была завалена гербарными листьями и коллекциями. Нужно было определить названия растений, насекомых, минералов, обработать путевые заметки, написать статьи и очерки. А у него была еще преподавательская работа, другие служебные и общественные обязанности.

В. И. обладал необыкновенным трудолюбием и работал напряженно до конца своих дней, стараясь рационально использовать каждую минуту. Даже будучи единственным раз в жизни на курорте Аул, сейчас же занялся изучением и сбором растений, подготовил работу «Из ботанических экспедиций в окрестностях курорта Аул». Находясь в гостях у сына в Кишиневе, сейчас же отправился в музей и стал принимать участие в улучшении его экспозиций, написал об этом специальную статью в местную газету.

Совершенно не позволял ни себе, ни нам, членам семьи, пустого времяпрепровождения, праздных бессодержательных разговоров. Мог даже сделать замечания по этому поводу. Зато его беседы со специалистами были очень интересными.

Где бы В. И. ни работал, он всюду вносил дух творчества, высокой требовательности и непримиримости к недостаткам. В каждом деле требовал от себя и от других точности и аккуратности. Особенно нетерпим был к тем, кто безразлично относился к делу или, считая себя ботаником, неправильно называл растения. На ботанические ошибки в статьях немедленно отзывался рецензией. Заметив недостатки в работе Семипалатинского музея, с возмущением писал: «Киргизский отдел очень беден. Гербарий в крайне плохом состоянии и пользоваться им невозможно. Этикетки неуклюжи, написаны небрежно. Все не изящно, неряшливо, бессистемно». Критиковал он, невзирая на лица и обстановку, за что нередко приходилось расплачиваться.

Чтобы сохранить высокую работоспособность, в любую погоду совершал ежедневные прогулки и занимался физическим трудом. Однажды в метель заблудился и прошел мимо дома. С большим удовольствием работал в садике, собирал и выписывал для него неизвестные в Барнауле растения. У нас росли орех маньчжурский, виноград амурский, ландыш маньчжурский, актинидия с Дальнего Востока, роза «царица Севера» от И. В. Мичурина, ирга, желтоплодная малина и многое другое. Баклажаны вызывали удивление местных жителей синими плодами.

К растениям всегда относился с любовью и интересом, будь то дикорастущий вид или садовый сорт. С большим упорством, подвергаясь опасности, в течение двух дней настойчиво разыскивал в южном Алтае растение оксиграфис, которое указывал для тех мест побывавший там ранее ботаник В. Ф. Семенов. Очень

сожалел, что растение не удалось найти – «нас постигло великое разочарование».

В консультациях и определении растений В. И. не отказывал никому. Обращались к нему многие ученые, чтобы посоветоваться о маршруте, уточнить ареалы и названия растений, географические и этнографические сведения. Приходили туристы, учителя, школьники, люди, занимающиеся сбором лекарственных растений и многие другие. Все они получали квалифицированную, исчерпывающую и совершенно бескорыстную помощь.

Круг интересов исследователя был очень широк. Он не только хорошо знал ботанику, но и обладал обширными знаниями в области энтомологии, зоологии, геологии, географии, астрономии. Собирал не только растения, но и насекомых, в том числе тлей, для ученого-афидолога Л. К. Мордвилко, который особенно ценил сборы именно ботаников из-за важности вида растений, Л. К. Мордвилко именем В. И. назвал вид тли, найденной на клопогоне вонючем (*Cimicifuga foetida*) – *Macrosiphon veresczagini*. Вместе с тем знал и любил художественную литературу. Следил за событиями общественной и политической жизни, регулярно читал газеты и журналы. Хорошо рисовал, пел, часто украинские песни, пока не потерял голос из-за простуды в горах.

Память В. И. была очень богатой. Его сестры рассказывали, что учителя обвиняли его в дословной передаче материалов учебников, он же произвольно запоминал их. По памяти он рассказывал нам большие отрывки из произведений классиков. Очень ненавязчиво и непринужденно воспитывал в нас, своих детях, любовь к природе, растениям, знаниям, прививал нам вместе с мамой лучшие нравственные черты.

К сестрам, которые жили в деревне Турны, относился с большой заботой и любовью, помогал им материально. Воспитывал племянника Вику из большой семьи брата. Вика стал энтомологом и некоторое время работал в Барнаульском музее, позднее в г. Омске. Погиб в Великую Отечественную войну. Житейских хозяйственных дел В. И. не любил. Никогда не бывал в магазинах. Был очень нетребователен к бытовым условиям. Не терпел лжи, хитрости и невыполнения обещаний. С презрением относился ко всякого рода ловкачам, хапугам и спекулянтам, «доставалам». Несмотря на крайне стесненные материальные обстоятельства, в нашем доме никогда

не было культа вещей и денег. Сам же в быту был непрактичен и излишне доверчив. В результате утеряно много ценных книг, фотографий, рукописей.

Был очень скромн. По рассказам сестер, никогда не говорил, что он – первый ученик. Позднее никогда не упоминал о своих заслугах.

Не был лишен чувства юмора. Медлительных людей называл «из семейства копуш». Вспоминал, как один из посетителей, разыскивая его, спрашивал: «Но где мне найти главного гербария?» Он думал, что гербарий это человек.

Запомнился ему ученик Новицкий, копавший растения палочкой. На вопрос: «Где у тебя стамеска?» – тот отвечал: «Да она у меня в чемодане, на самом низу». «Почему же?» – «А чтоб не потерялась».

По многочисленным отзывам учеников и преподавателей, занятия В. И. всегда были очень интересными. Несмотря на глубокие знания, он тщательно готовился к ним и хорошо их иллюстрировал. Его уроки и лекции сопровождались опытами, демонстрацией живых растений, препаратов, гербарных образцов, фотографий, рисунков и т. д. Иллюстративный материал для занятий готовил сам. Во время занятий делал рисунки на доске. Причем мог стереть с доски носовым платком и положить меловую тряпку в карман. Но студенты прощали ему это за интересные занятия. Прививая своим ученикам любовь к природе, В. И. вел ботанические кружки, читал специальные лекции, занимался отдельно с теми, кто интересовался ботаникой и краеведением. Большое внимание уделял ботаническим экспедициям, сопровождая их увлекательными беседами. Об их содержании и характере можно судить по «Материалам для ботанических экспедиций в Алтайском крае» и другим работам. Они представляют ценное пособие для преподавателей до сих пор.

Для многих учеников общение с В. И. определило выбор профессии. С двенадцати лет экскурсировал с ним Николай Алексеевич Плотников. В результате увлекся ботаникой и остался ей верен всю жизнь. Долгое время он был заведующим кафедрой ботаники Омского сельскохозяйственного института. После совместных двухлетних экспедиций с В. И. поступил в Томский государственный университет и стал ботаником Г. П. Сумневич. А. И. Жилин, профессор Уральского политехнического института,

один из изобретателей минеральной ваты, переписывался с В. И. всю жизнь. «Вы первый возбудили во мне интерес к жизни», – писал он.

Одно из ярких воспоминаний нашего далекого детства – поездки и экскурсии с папой по заповеднику «Столбы». Будучи сосланным в Красноярск, он встретил в музее директора заповедника Кожуховского, который пригласил его заняться изучением растительности. Это был для папы, несомненно, счастливый случай, позволивший заниматься любимым делом и переселиться из квартиры на Каче, где хозяйка даже не позволяла стирать белье, которое ему приходилось присылать в Барнаул. Но и в заповеднике жилось нелегко. Сначала В. И. работал метеонаблюдателем. Нужно было вставать ночью (наблюдения были восьмикратными), отдыхать днем не представлялось возможности. Жить приходилось в конторе. Но больше всего огорчало ограничение времени на экскурсии. И тем не менее В. И. сразу же взялся за флористическое обследование растительности. Во время экскурсий папа рассказывал нам о растениях, животном мире, происхождении скал и многом другом. Знания его были очень обширны, и мы слышали много, много интересного из самых различных областей – геологии, географии, астрономии и др. Позднее В. И. переселили на 2-ю Поперечную в домик, где жил объездчик леса с семьей. Они с женой постоянно забирали у него продукты, а когда папа пытался возражать, еще и возмущались: «Берем, а как же, у нас дети».

Интересные беседы, пышная растительность тайги, причудливые выходы скал, величественная природа заповедника остались у нас в памяти на всю жизнь.

В ссылке папа научил одну женщину грамоте. Ему запомнилось как она сначала отказывалась учиться, говорила: «Да я не могу, да я женщина!»

После возвращения из ссылки В. И. долго не прописывали в Барнауле и не принимали на работу.

За него не побоялся заступиться начальник управления культуры крайисполкома Константин Сергеевич Владимирский. Он много помог отцу после его возвращения из ссылки, да и всей семье. Большой души был человек, вечная ему память!..

После ареста отца маму уволили с работы и долго никуда не принимали. Пришлось продать шкаф, стол, буфет, кое-что из маминых вещей. В войну и после войны тоже сильно бедствовали...

Мы с братом с благодарностью вспоминаем о том, что именно благодаря папе, научившему нас любить и понимать природу, оба стали натуралистами, как говорили в то время, брат – энтомологом, а я – ботаником».

Позволю себе сделать одно добавление. Из Красноярска В. И. Верещагин писал письма своим детям, но письма не простые. Девять из них были «астрономическими», два – «геологическими» и пять – «биологическими». В них в популярной, увлекательной форме излагал он детям (а им было по 10 лет, они близнецы) основы знаний по названным выше предметам. Это были дружеские беседы любящего отца. Письма хранятся ныне в краевом архиве, их и взрослым читать интересно.

Неудивительно, что дети пошли по стопам отца. Ирина Викторовна по окончании Плодоовощного института имени И. В. Мичурина (1946 г.) почти 60 лет работает в НИИ Садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко. Она ученый-цветовод, ботаник, автор двадцати трех книг и брошюр. Совершила более 30 экспедиций по изучению дикорастущих растений Алтая. Награждена орденом «Знак почета», тремя медалями Президиума Верховного Совета СССР, медалью, посвященной 150-летию почетного академика Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, десятью медалями ВСХВ.

Борис Викторович – доктор сельскохозяйственных наук, профессор энтомологии, заслуженный деятель науки, лауреат Государственной премии, главный научный сотрудник института зоологии Академии наук Республики Молдова, живет и работает в Кишиневе.

Из воспоминаний Камбалова Николая Александровича:

«Виктор Иванович был моим консультантом с первого дня, как я пришел в музей. Всем, что я знаю, обязан ему. Он и после того, как уволился, каждую неделю приходил в музей, брал газеты, книги. Кроме художественной литературы, помню, интересовался философией. Наберет стопку, аккуратно перевяжет шнурочком (всегда одним и тем же) и возвращается домой.

На нас, молодежь, смотрел со скрытым сочувствием: недоучки. И был, пожалуй, прав. Иногда задерживался ненадолго, вступал в беседу. О политике не говорил никогда.

Помню, в последний год его жизни собрались мы в экспедицию в Горный Алтай. Узнав об этом, он стал просить, чтобы взяли его с собой. Очень ему хотелось вновь проехать по знакомым местам, вспомнить молодость. Но мы не решились это сделать из опасения

за его здоровье. Ведь было ему уже за восемьдесят, а машина толком не приспособлена, и дороги там известно какие ».

Виктор Иванович Верещагин скончался 10 октября 1956 г. от образования тромба в сердечном сосуде. Похоронен на Булыгинском кладбище.

Начиная с 1907 года, он регулярно публиковал в сибирских журналах, сборниках и отдельными изданиями результаты своих научных исследований, привлекая внимание к прекрасной природе Алтая. Он автор более 40 научных работ, из которых 12 не опубликовано до сих пор.

Деятельность В. И. Верещагина отмечена: в Большой советской энциклопедии (1951), биографо-библиографическом словаре «Русские ботаники» (1947), Сибирской советской энциклопедии (1929), «Летописи Барнаула» (1996), энциклопедии Алтайского края (1997) и другой справочной и специальной литературе.

Его именем названа улица в Барнауле.

24 ноября 2005 г. в краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова состоялась конференция под названием «В. И. Верещагин и образовательные экскурсии (к 100-летию детского туризма на Алтае)».

Многолетняя подвижническая деятельность Виктора Ивановича Верещагина – выдающегося исследователя природы Алтая, прекрасного педагога, зачинателя детского туризма на Алтае оставили прочный след не только в истории нашего края, заслужили всеобщее признание и благодарность потомков.